

18+

ЧЕСЛАВ ГЕРАСИМОВИЧ
НАДЕЖДА АНТОНОВА
АНАСТАСИЯ ДЕМИШКЕВИЧ
МАКСИМ ЖЕГАЛИН
МАРИЯ КОСТЮЧЕНКО
ЕЛЕНА КОЧУБЕЙ
ИЛЬЯ ЛЕБЕДЕВ
МАРИЯ ОРЛОВА
КИРА ПОЗДНЯЕВА
КАРЕН ТАРАЯН
ИРИНА ТОЛСТИКОВА
АНДРЕЙ ЧЕРНОВ

ПРЫЖКИ В ВЫСОТУ

НЕПОЛНЫЙ СБОРНИК РАБОТ
ШКОЛЫ «ХОРОШИЙ ТЕКСТ»
НОЯБРЯ 2018 ГОДА

Чеслав Герасимович

**Прыжки в высоту. Неполный
сборник работ школы «Хороший
текст» ноября 2018 года**

«Издательские решения»

Герасимович Ч.

Прыжки в высоту. Неполный сборник работ школы «Хороший текст» ноября 2018 года / Ч. Герасимович — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938379-2

Семинарские занятия: «История моего преступления», «Своя молитва», «Письмо к богу», «Ваше последнее интервью», «Крохотная продающая аннотация», «Карта — участник истории» и «Литературная критика эссе». Учителя: Евгения Долгинова, Мария Голованивская, Татьяна Москвина, Дмитрий Воденников, Алёна Долецкая, Денис Осокин, Сергей Гандлевский. Некоторые семинарские работы так хороши, что заслужили себе сборник. Откройте на любой странице. Приятного чтения.

ISBN 978-5-44-938379-2

© Герасимович Ч.
© Издательские решения

Содержание

Прыжки в высоту	6
История моего преступления	7
Надежда Антонова	7
Воронья каша	7
Анастасия Демишкевич	9
Что делают водопады?	9
Максим Жегалин	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Прыжки в высоту Неполный сборник работ школы «Хороший текст» ноября 2018 года

Авторы: Герасимович Чеслав, Антонова Надежда, Демишкевич Анастасия, Жегалин Максим, Костюченко Мария, Кочубей Елена, Лебедев Илья, Орлова Мария, Поздняева Кира, Тараян Карен, Толстикова Ирина, Чернов Андрей

- © Чеслав Герасимович, 2023
- © Надежда Антонова, 2023
- © Анастасия Демишкевич, 2023
- © Максим Жегалин, 2023
- © Мария Костюченко, 2023
- © Елена Кочубей, 2023
- © Илья Лебедев, 2023
- © Мария Орлова, 2023
- © Кира Поздняева, 2023
- © Карен Тараян, 2023
- © Ирина Толстикова, 2023
- © Андрей Чернов, 2023

ISBN 978-5-4493-8379-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Прыжки в высоту

Неполный сборник работ школы «Хороший текст» ноября 2018 года

В ноябре 2018 года в Москве состоялась 8-я учебная сессия Школы «Хороший текст». Все было как всегда – лекции, семинары. На семинарах учителя давали задания и ученики их исполняли. И вдруг оказалось, что многие тексты учеников – литература или почти литература. Остроумные, живые, пронзительные, непредсказуемые – вот какими были эти тексты. Нам было бы жаль, если бы эти тексты канули в небытие. И мы издали вот эту книжечку. Читайте, наслаждайтесь, тут есть чем.

Мария Голованивская

История моего преступления

Надежда Антонова

Воронья каша

У меня была соседка по квартире. Приятная девушка, работавшая в госструктуре, честная шлюха, тихий алкоголик. Пару раз я заставала ее лежащей в коридоре в одном белье, но она бескрылым ангелом всегда доползала до своей комнаты сама. Она любила звонить мне ночью и, еле складывая слова в предложения, просила не закрывать дверь на защелку. Привезенный мной и выставленный на стол Горно-Алтайский бальзам она пила вместо чая и с 250 мл бутылкой справилась быстрее, чем я успела это обнаружить. Несмотря на все обстоятельства или, может быть, вопреки им, мы любили вместе смотреть фильмы Тарантино, запекать в духовке курицу с яблоками и слушать, как витиевато матерятся под окном рабочие. И еще мне совсем не хотелось искать другое жилье.

Наступили предновогодние дни. Визиты ее неотличимых друг от друга приятелей стали чаще и продолжительней, речи бессвязней, музыка громче. Была ли то обычная женская зависть, или просто моему организму нужна была ночная доза мелатонина, одно было понятно- Катя нуждалась в алкоголе и дофамине так же остро, как я в покое и стерильной тишине по ночам. Шли пятые сутки Катиного шатания. Я ждала, что она устанет, или заболеет, или что-нибудь сломает.

Я люблю фильм Алексея Федорченко «Небесные жены луговых мари». В нем есть все: естественность, красота, глубина, вызов, скорбь, ненависть и бескрайнее теплое пространство человеческих чувств. В одной из новелл в самом начале героиня Яны Есипович борется со своим отвращением к мужу-алкоголику, а потом неожиданно изящно втыкает ему в волосы заговоренный гребень.

Я увидела Андрея в нашем ободранном коридоре. При свете тусклой настенной лампы он был инфернально, трагически красив. Дверь Катиной комнаты я открыла резко и решительно. На пол полетели тарелка с нарезкой, одна начатая и три нераскупоренных бутылки вина, свечи в подсвечниках и музыкальный центр. Катя медленно встала с дивана и, картинно держа в одной руке сигарету, а в другой бокал, с грацией пьяной пантеры двинулась на меня. Я не стала ждать знака сверху и ударила первой.

Мы встретились с ним на семинаре по развитию коммуникативных навыков. От него призывно пахло летом, десертным вином и душевной чуткостью. Он закруглял концы слов и иногда говорил «в» вместо «л». Трогательно и необременительно он подошел к осенней скуке, и нам пришлось пустить по кругу все, что было пройдено и сказано нами и до нас. В таких случаях люди красиво расстаются и первые полгода поздравляют друг друга с праздниками. Но это при обоюдном безразличии. Идеальных позиций не бывает, а игра в одни ворота жестока и травмоопасна. Я никогда не хотела totally нравиться даже ему, но мне всегда было дико, с какой легкостью люди дарят надежду, и как потом этот обломок гноящейся занозой уродливо торчит невидимой глазу ржавой железякой, разрастаясь до размеров Припяти.

С Катей мне повезло. Упав с разбитым бокалом в руке, она бодро выплюнула кусок стекла, который легко мог попасть в желудок и стать причиной полостной операции, и окровавленными губами связно произнесла речь с элементами сниженной лексики. Андрей, казалось, быстро сориентировался и прорычал: «Да ты кто такая вообще?» Но тут же осекся, широко распахнул глаза и замер. Я с вызовом улыбалась и всматривалась в него, узнавая и сбивающую с ног заинтересованность, и неизменную отстраненность, и еще что-то, напоминающее непроницаемую, застывшую брезгливость. Этого раньше не было. Или мне так только казалось. Очнувшись, он оттолкнул меня, поднял Катю, схватил телефон и вызвал милицию. Я вышла из комнаты, плотно закрыла за собой дверь, оделась в первое попавшееся и ушла гулять по ночной окраинной Москве.

Недавно я рассказывала эту историю одной своей подруге, которая, кстати, тоже большой ценитель зеленозмиевой заразы и феромонов. Когда я дошла до фильма Федорченко и заговоренного гребня, она, закатываясь от охватившего ее веселья, попросила уточнить, как все-таки звучит заговор. Услышав про воронью кашу, она чуть не упала со стула, а через неделю позвонила и сказала, что воронья каша не работает. Так что если будете проверять, обязательно поглубже всаживайте гребень.

С Катей мы потом помирились. Показаний давать она не стала, а Андрей побоялся лишний раз светиться. Я предлагала ей деньги за порезанную губу и сломанный музыкальный центр, но она отказалась. А квартиру я все-таки сменила.

Анастасия Демишкевич

Что делают водопады?

Я просыпаюсь, но прежде чем открыть глаза, я хочу понять: какое время года за окном, какой сейчас год, что это за место, в котором мне предстоит оказаться?

Если я открою глаза, все, конечно, станет понятно, но тогда у меня не останется ни единой возможности на что-то другое. Все станет ясным и определенным на целый день, неделю и долгие годы вперед. Этого я хочу меньше всего, поэтому подолгу лежу с закрытыми глазами: прислушиваюсь, принимаю и наблюдаю, не глядя.

Окно приоткрыто, я чувствую запах гниющих листьев, холод царапает мне запястья, не слишком больно, а так, чтобы рассказать о себе.

Что ты говоришь мне? Сейчас поздний октябрь, ты забыла закрыть окно и вот-вот луч холодного солнца расчертит тебе лицо надвое.

Я чувствую как солнечный скальпель проводит ровную линию от темного пробора на голове до подбородка. Зачем ты щекочешь меня? Хочу чтобы ты проснулась и посмотрела вокруг. Разве тебе не интересно, почему ты уснула в одежде? Разве так ты спишь обычно?

Я провожу руками по груди, они скользят по платью, не знаю какого оно цвета, но пальцы говорят, что темно-зеленого. Ноги сжаты туго зашнурованными ботинками. Почему я в одежде? Подумай, проведи рукой по кровати, – шепчет луч. Я осторожно передвигаю пальцами по складкам простыни: раз, два, три. Еще чуть-чуть, еще один сантиметр ткани и возможное превратится в реальность. Я отдергиваю руку.

Нет. Лучше ты Расскажи мне. Где я? Что происходит?

Мой свет падает на полосу темных обоев и портрет женщины с серыми глазами, кажется, с него давно не смахивали пыль. Прости, больше я ничего не могу разглядеть, я всего лишь луч, мои возможности ограничены. Но может ветер сможет сказать тебе больше.

Ветер ударяет в окно и распаивает его, я зажмуриваюсь еще сильнее. С полок падают книги, и я чувствую запах пыли в воздухе. Гнилые листья, октябрьская свежесть, пыль, холодный свет, портрет с серыми глазами – «Пожалуйста-пожалуйста только не здесь, только не сейчас, не в этот день», – шепчу я.

Натянув одеяло на голову, я вдыхаю запах собственного тела и разлитого на кровать вчерашнего кофе. Окна плотно закрыты, на мне нет скользкого платья, ноги спокойно шевелят пальцами. За окном шелестит дождь, а в дверь вот-вот постучат. Сейчас 2015-й год, мне 15 лет, и это – дом моих дяди и тети. Теперь можно открыть глаза. Теперь это не страшно.

– Кажется, на озеро мы сегодня не идем, – говоришь ты, распаивая дверь, и с размаху прыгая в мою кровать.

– Похоже на то, – зевая отвечаю я, – можно я обниму тебя? Такое чувство, что сто лет не видела или хуже того.

– Что может быть хуже ста лет? Смеешься ты и обнимаешь меня.

– Дожить до ста лет, – неуверенно шучу я.

– Мы с тобой точно не доживем, – самодовольно говоришь ты и вытаскиваешь из карманов шорт пачку.

– Что здесь? – Удивляюсь я.

– Родители уехали еще утром, откроем окно, закроем дверь.

Я надеваю свитер, пока ты открываешь окно, звук дождя заполняет комнату, заполняет наши легкие и весь этот день. Мы садимся на подоконник друг напротив друга, переплетаем наши колени. Запах табака смешивается с запахом летнего дождя. Мы целуемся, пока пепел не падает на твои колготки и не оставляет на них маленькое светлое отверстие.

– Вот дерьмо, – говоришь ты, – надо будет их сохранить.

Мы смотрим на дождь, я глажу сигаретный след на твоей ноге.

– Как думаешь, а что делают водопады? – Хитро глядя на меня, спрашиваешь ты.

– Падают, наверно, – отвечаю я и тут же понимаю, что это ловушка, и ответа на этот вопрос нет.

Через два года ты скажешь мне, что нет ничего глупей подростковых влюбленностей. Но это будет уже совсем другой день и другая жизнь, и поэтому не будет иметь никакого значения.

Сегодня мы засыпаем вместе, слушая музыку через одни наушники, накрывшись с головой, чтобы никакие посторонние детали не вторглись в наш мир.

Еще не открыв глаза, я провожу рукой под одеялом, твоей руки здесь нет – никаких следов тонких пальцев с ногтями под самый корень, сколько бы я их не искала. Даже тепло под одеялом какое-то не твое. Я задаю свои обычные вопросы и вдыхаю воздух комнаты. Пахнет свежей краской. Белой – догадываюсь я. Из ванной слышу шум воды. Сколько мне сейчас лет, и кто выйдет из этой двери? Стоит ли вообще открывать глаза?

Звук воды затихает, а я все еще медлю. Очень плохо не знать – какое сейчас время года. Мокрые волосы касаются моего лица, и я чувствую колючий поцелуй в угол губ.

– Привет, – говорю я и открываю глаза.

– Почему у тебя всегда такой вид, как будто ты видишь меня впервые? – спрашиваешь ты. – Кофе хочешь?

– А тебе бы больше понравилось, если бы я смотрела на тебя, как на старое надоевшее пальто?

– Нет, но не так ошарашенно, как будто ты сняла вчера какого-то мужика в баре, а он вдруг оказался настолько наглым, что решил остаться на ночь.

Я смеюсь и всерьез пытаюсь вспомнить что-то подобное, но не могу.

– Останешься дома?

– Да, наверно. Мне кажется, все самые приличные главы своей диссертации я написала в этой кровати.

– Эта кровать вообще самое приличное место во всем городе, надо почаще тебя отсюда вытаскивать. Ты улыбаешься улыбкой христианского миссионера, и мне хочется, чтобы ты поскорей ушел.

– Кстати, – останавливаю я тебя на пороге, – что делают водопады?

– Тебе это для диссертации нужно? Станный вопрос. Водопады – падают – это же очевидно.

– А ты бы стал со мной встречаться, если бы моя диссертация была про водопады? – пытаюсь уколоть тебя, спрашиваю я.

– Не знаю, наверно. Ты говоришь это так легко, как будто я спросила тебя положить ли тебе сахар в кофе, а ты – «не знаю, наверно». В тишине я мысленно насыпаю в твой стакан весь сахар, который есть в доме.

– Прости, – морща лоб, говоришь ты, – ты же про другое пишешь.

– Ладно, забудь.

Я беру кружку кофе, заботливо оставленную на столе, и возвращаюсь в кровать: кофе – на стол, ноутбук – на колени, чувствую в себе силы написать хотя бы пару страниц. После трех абзацев, начинаю клевать носом. Зачем я опять начала пить таблетки, думаю, проваливаясь в сон.

Даже через закрытые веки вижу, что уже почти стемнело. Неужели я проспала весь день? Даже не пытаюсь нащупать ногой ноутбук – его здесь нет, я знаю. Я никогда не просыпаюсь в одном и том же месте.

Пахнет кошками, какой-то сухой травой и старостью. Одеяло тяжелое, подушки бархатистые, я трусь о них щекой. Здесь ты в безопасности, – шепчут они. Разве? Что там за окном? Ранняя весна. Ненавижу это пронзительно-голубое темнеющее небо. Да и весна была так себе. Может быть в другой день? Может еще не поздно? Но подушки трутся о меня, все больше делая мир материальным, лишая меня последней возможности представить что-нибудь другое. Я чувствую, как на ноги мне приземляется что-то тяжелое и урчит.

– Бабушка? – Зову я.

– Я здесь, милая. Что ты? Бабушка садится ко мне на кровать и гладит своей восковой рукой по голове.

– Мне приснился плохой сон. Кажется, в нем я была взрослой. Или это была не я?

– В том, чтобы быть взрослой нет ничего плохого, но тебе до этого еще очень-очень далеко.

– Правда? А мне кажется, что я уже была взрослой, и это было нехорошо.

– Все будет хорошо, крошка, ты вырастешь сильной, красивой и умной, влюбишься в самого лучшего человека на земле, вы поженились и будете очень счастливы.

– А Филя еще будет жив? – Спрашиваю я, – поглаживая рыжую шерсть кота. Морщины бабушки складываются и раскладываются в узор, похожий на крылья бабочки.

– Боюсь – нет, жизнь кошек не такая длинная как у людей.

– Но что же тогда хорошего? – Почти плача, спрашиваю я.

– Хорошего – очень много, видишь фотографию на стене? Это мы с твоим дедушкой на фоне водопада Виктория. Дедушки уже нет с нами, а водопад все еще там, а значит и мы с дедушкой все еще где-то там, среди этих брызг.

Я долго смотрю на фото, но что-то не дает мне успокоиться и снова зарыться в тяжелое одеяло и уснуть под монотонное бормотание бабушки.

– Если вы с дедушкой все еще кружите среди брызг, то что делает водопад? Морщины бабушки опять складываются бабочкой.

– Это сложный вопрос, милая, ты еще встретишь того, кто сможет ответить тебе на него.

Я просыпаюсь, но прежде чем открыть глаза, я хочу понять: какое время года за окном, какой сейчас год, что это за место, в котором мне предстоит оказаться?

Если я открою глаза, все, конечно, станет понятно, но тогда у меня не останется ни единой возможности на что-то другое. Окно приоткрыто, я чувствую запах гниющих листьев, холод царапает мне запястья, не слишком больно, а так, чтобы рассказать о себе.

Что ты говоришь мне? Сейчас поздний октябрь, ты забыла закрыть окно и вот-вот луч холодного солнца расчертит тебе лицо надвое.

Я чувствую как солнечный скальпель проводит ровную линию от темного пробора на голове до подбородка. Зачем ты щекочешь меня? Хочу чтобы ты проснулась и посмотрела вокруг. Разве тебе не интересно, почему ты уснула в одежде?

Нет, не интересно! Беззвучно кричу я и зажимаюсь еще сильнее. Пытаюсь вернуться в теплую бабушкину комнату с урчащим котом; в прохладную белую квартиру, где кто-то заботливо оставил мне кофе; на подоконник, где я была самым счастливым человеком на земле.

Но я не слышу звука дождя, урчания кота, не чувствую запах кофе. Мне не за что зацепиться. Я в ловушке.

Я ощущаю легкое прикосновение к своим волосам. Я не вижу, но знаю, что это твоя рука с такими короткими ногтями, что не зацепят ни один мой волос.

– Открой глаза, милая. Посмотри на меня, – просишь ты.

Я уверена, что это ты – это твои руки, твой голос, твой шрам на запястье, но почему я не хочу открывать глаза, почему не в этот день?

– Посмотри на меня, – опять просишь ты.

– Почему это так важно, если я знаю, что это ты?

– Это важно, поверь.

– Помнишь, ты спросила меня, что делают водопады? Если ты ответишь мне, я открою глаза.

– Я отвечу, обещаю.

– Что делают водопады? Спрашиваю я и вижу, как за окном льется дождь, наши переплетенные колени, чувствую запах сигарет и твои волосы у себя во рту, а где-то внизу там, где струи воды почти достигают земли, вижу, как бабушка и дедушка, искрясь, танцуют свой вечный танец.

Ты наклоняешься ко мне и шепчешь, касаясь уха губами:

– Водопады разбиваются, милая. Всегда разбиваются, о камни или о воду из которой сами и состоят.

Я открываю глаза, холодное осеннее солнце заливает комнату, на мне – темно зеленое платье, на ногах – высокие ботинки, на простынях – следы земли и листьев и крови. Я поворачиваюсь к тебе и беру за руку. В этот раз она холоднее, чем моя. Ты лежишь боком ко мне красивая и бледная, глаза открыты. Ты смотришь на меня тем взглядом, которым обычно уезжающие в какое-то далекое путешествие смотрят на остающихся.

– Прошло уже два дня, милая, – говоришь ты – позвони кому-нибудь. Просто позвони. Ну ты знаешь куда.

Максим Жегалин

Я убил человека. Не уколошил, не задавил подушкой, не отравил ртутным шариком – нет, но в какой-то момент дал слабину, чем и успел воспользоваться Василий Андреич – скончавшийся. Я не виноват, но измучен. Крылатые эринии висят в ночном воздухе прямо за моим окном.

Денег на нормальную квартиру у меня не было, было десять тысяч рублей. Столько стоила комната в Перово, в двушке на втором этаже хрущёвки: окна выходят во двор, закрывается на ключ. Из мебели: диван-кровать, стол, современный шкаф, советский стул. На стенах мрачные обои в зеленый узор. В соседней комнате проживает хозяин – спокойный, порядочный, без вредных привычек. (Враньё. Василий Андреич пил до белки и курил сигареты Тройка).

Вообще-то он был похож на Луи де Фюнеса до такой степени, что наткнувшись недавно на фотографию актера, я замер: не Василий ли Андреич это передаёт привет. Но наш Фюнес был запущен: кружок лысины и грязные патлы по краям, живот, земля под ногтями, волосы из носа, средняя беззубость, небритость. Лет шестьдесят, только начал получать пенсию. Его грустную жизнь я узнал в первый же вечер: он прихлёбывал трехлетний Киновский и закусывал тушёнкой, прямо холодной, размазывая по хлебушку. Я ограничился чаем с печеньем «Юбилейное». Кухня у нас была маленькая и вся промасленная, Василий Андреич говорил слишком громко.

С двадцати лет он работал автомехаником в Кузьминках. Работа ему нравилась, с детства любил технику и возиться в запчастях. Сам из Балашихи, мать уже 16 лет в могиле, а отца никогда не видел. Квартира не его, жены. Жена была москвичкой. Двадцать лет назад она пропала без вести, ушла за молоком и не вернулась. Дочь давно в Америке. Она было привезла ему компьютер, чтобы общаться. Но Василий Андреич машину эту разобрал от скуки, а собрать не смог. Так они 5 лет, получается, без связи. В свободное время (всегда) смотрит телевизор. Влюблён в Софию Ротару.

Сосед пил коньяк маленькими глоточками, как чайк, отвратительно причмокивая. Ел жадно, коркой вытирая жир со дна банки. Я его боялся. Чего ждать, человек явно немного того. Разевает иногда челюсть ни с того ни с сего, голос неуправляем (постоянный крик, иногда с тремоло). Вдруг Василий Андреич завалился на бок и нечленораздельно взвыл. Потом встал, оправился, истеричными грязными пальцами достал три сигареты из моей пачки (без спроса) и ушел в свою законную комнату, где включил телевизор.

Через три недели он умрёт. События развивались быстро и тупо.

Несколько дней я не видел Василия Андреевича. Из-за двери слышался неестественный хохот, иногда буквально блеяние. Вокруг помойного ведра стояли пустые бутылки, по нисходящей: от трехлетнего Киновского (0,5) до Беленькой (порционной), потом уже появились склянки одеколона, огуречного лосьона, жидкости для выведения блох. Бедный мужик. По ночам он воровал мою еду. Сожрал банку малинового варенья, проглотил полкастрюли супа.

В шесть утра в его комнате что-то упало. «Уж не повесился ли», – первая мысль. В мою дверь застучали, будто началась война или пожар. В трусах и замешательстве я открыл. Луи де Фюнес был совершенно раздет и смотрел мимо меня: «Сосед, у меня там черт на шкафу сидит, пойдем покажу». Белая горячка. В шумном страхе мы зашли в его комнату, шкаф был опрокинут, нечистым духом не пахнет, пахнет рвотой. Дальше я по-медицински напоил его водой, вызвал скорую помощь, и Василия Андреича, раскрывшего рот, увезли.

Через три дня, когда я убрал бутылки и смиренно, как монах, отмыл пол в его комнате, он вернулся. Прошмыгнул мимо мышиной тени.

– Василий Андреич, ну вы как?

Не ответил.

Телевизор за дверью больше не работал и гогот не раздавался, но что-то в той тишине происходило, какое-то слабенькое дыхание. Еду больше никто не воровал, и я решил накормить соседа чуть ли не силком, серьезно опасаясь, что умрет. Разогрел куриной лапши, нарезал хлеба, наслал чаю и постучался. Василий Андреич открывал долго, а потом сразу лег. Под глазами у него набухли синие мешки, вспух живот.

– Что же вы, это, не едите совсем?

Молчит.

– Поешьте, пока горячее. Так же нельзя. Что вам врач сказал.

Молчит.

– Ну, ладно. Я оставлю, а вы ешьте.

И на пороге уже он меня задержал, жалко пролепетав «Покорми меня». Я помог ему приподняться, обняв тело и потянув на себя. Он оказался младенчески теплым и пах почему-то машинным маслом; рот открывался со щелчками, не слушалась нижняя челюсть. Хлеб пришлось размочить в бульоне и тоже давать с ложечки. Чай остыл. Зрелище, в принципе, было отвратительным.

Наевшись, он с выдохом лег.

– Возьми деньги и купи мне две бутылки хорошей водки. Деньги в девяностом номере «Сделай сам».

– Вы что, Василий Андреич, вас только откачали, нет.

– Купи мне водки, я хочу выпить.

– Нет, я не пойду. Вам нельзя.

– Купи, я хочу сдохнуть, все равно сегодня сдохну.

– Хватит.

– Купи.

– Всё.

– Не будь тварью. – тут он взревел, уродливо исказив лицо.

Я выскочил из комнаты, надел куртку (начало марта), спустился в магазин и купил одну бутылку, еще квашеной капусты и минеральной воды.

– Нате! Если что, никто не виноват. – сказал я с сильным раздражением, сквозь здоровые зубы.

– Спасибо! Теперь иди к черту.

Прошла ночь. Утром я всё уже понял – в соседях у меня свежая смерть, – но отправился по своим делам, как бы не при чем. Возвращался вечером, когда ужас опустился вниз живота и тошнило. В квартире было темно, не пахло, но никакого дыхания, никакого живого пульса. Постучался в дверь, не раздеваясь. Постучался ещё, прислушался – ноль. Ещё. Постучался – не открыли. Ни скрипа. Что-то звякнуло на кухне, испугав. Постучал, помолчал. Мертв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.